

Лю Сычэнь, заметив, что мальчик смотрит на него, поспешно прищурился и улыбнулся, развернув вторую молочную конфету и протянув её:

— Возьми, угощайся.

Мальчик колебался, но, увидев чистые, белые и нежные руки Лю Сычэня, наконец, склонил голову и взял полурастаявшую конфету с обёртки.

— Моя мама плакала накануне возвращения из Хайчэна, — произнёс мальчик, усаживаясь рядом с девочкой, а Лю Сычэнь последовал его примеру. — Я услышал это среди ночи. Мы с сестрой часто бодем, и, когда мы поехали в Хайчэн, заодно зашли в больницу. На следующее утро я увидел, что у мамы глаза красные.

Мальчик притянул сестру к себе, чтобы она не ёрзала.

— Я спросил её, но она сказала, что всё в порядке, просто немного простудилась, — он наклонил голову, разглядывая Лю Сычэня, затем кивнул в сторону продолжающих ругаться мужчины и женщины. — Как думаешь, это правда?

Лю Сычэнь покачал головой. Соскочив со стула, он предложил:

— Я иду к дедушке. Хотите пойти со мной? В кабинете теплее, и там есть горячий чай.

Мальчик задумался, взглянул на сестру, затем кивнул и, взяв её на руки, последовал за Лю Сычэнем.

Дедушка Чэнь как раз допил женьшеневый чай, когда в кабинет зашёл заместитель директора больницы, дядя У. Они тихо о чём-то беседовали, но, увидев Лю Сычэня с двумя детьми, сразу замолчали. Дедушка Чэнь с интересом осмотрел их.

Мальчику было лет тринадцать-четырнадцать, на его лице читалась юношеская гордость, но в глазах ещё оставалась детская наивность. Дядя У был ровесником второго сына дедушки Чэня и считался его младшим. Он тоже прервал разговор, устремив взгляд на мальчика.

Лю Сычэнь, спеша и отступая спиной к двери, чтобы открыть её для брата и сестры, споткнулся и упал лицом вниз. Девочка тут же захлопала в ладоши, заливаясь звонким смехом. Лю Сычэнь, чувствуя себя неловко, смущённо почесал нос и поднялся.

Мальчик тоже не сдержал смеха, ему показалось, что этот ребёнок очень забавный, совсем не похож на обычного шести-семилетнего шалуна.

Беззаботная, беззаботная улыбка подростка заставила Лю Сычэня замереть. Такая наивная лёгкость, сдержанный смех и маленькие шалости — всё это сегодня в этом кабинете подошло к концу. Жестоко и мучительно. Этот ребёнок больше никогда не будет так счастлив, никогда не будет так смеяться над другими, даже если Лю Сычэнь упадёт перед ним сотню раз.

Дедушка Чэнь заметил скрытую грусть Лю Сычэня и, взглянув на беззаботного подростка, почувствовал тяжёлое чувство.

— Подойди с сестрой, я вас осмотрю, — поманил дедушка Чэнь мальчика, тот кивнул дяде У.

— Дядя У.

— Да-да, пусть дедушка Чэнь посмотрит, у него большой опыт. Я как раз хотел попросить его

уделить время твоей сестре после обеда, а вы уже здесь. Очень кстати.

Дедушка Чэнь провёл осмотр обоих детей, спрашивая, где болит, чешется или есть ли другие жалобы.

После получасового осмотра дедушка Чэнь устремил пронзительный взгляд на настороженные глаза мальчика:

— Учишься хорошо, да?

Мальчик сомневающе кивнул, возможно, решив, что дедушка Чэнь просто пытается разрядить обстановку. Сдержанно, с гордостью ответил:

— Неплохо, впереди класса. Уверен, что поступлю в Первую среднюю школу уезда.

— Скоро экзамены? Не перетруждайся, расслабься, душевное спокойствие — самое главное, — дедушка Чэнь предложил ему сесть, закатал рукав и надавил на определённые точки на руке.

Мальчик нахмурился, в его глазах появилось раздражение. Казалось, он что-то почувствовал, и намеренное раздражение не могло скрыть страх, поднимающийся из глубины его сердца. Он резко дёрнул руку, вырвав её из рук дедушки Чэня:

— Какое это имеет отношение к болезни моей сестры? — лицо мальчика окончательно потемнело.

— Никакого, никакого, Юйбинь. Тебе нужно отдохнуть, твоя болезнь несерьёзная, но нельзя переутомляться. Ты должен лечь в больницу. Да, в больницу. Дядя всё устроит, — дядя У говорил сбивчиво, но мальчик, слушая его, мгновенно побледнел.

— Я... — мальчик машинально провёл рукой по носу, ещё не осознавая, что произошло, как его сестра закричала.

Он поднял руку, увидев на ней ярко-красную кровь. Его лицо стало белым, как снег, глаза остекленели, и он долго не двигался.

— Брат... брат... — девочка, протянув руку, вытирала кровь, капающую с его носа, и беспомощно сморщила губы.

Мальчик вытер кровь о свой белый пиджак и направился к выходу, как раз в этот момент подошли его родители, только что закончившие ссору.

Женщина, увидев кровь, хлынувшую из носа сына, закричала и, спотыкаясь, бросилась к детям.

Болезнь мальчика прогрессировала очень быстро, и к концу года он уже мог только лежать в постели. Ещё хуже было то, что его родители развелись.

Мальчика звали Чжао Юйбинь, он начал плохо себя чувствовать ещё летом. Родители возили его с сестрой в больницы Хайши и центра провинции, где врачи диагностировали у него рак костей на поздней стадии.

Сначала родители хотели скрыть это от него, не веря диагнозу, но после подтверждения в нескольких крупных больницах отец Чжао Юйбиня первым не выдержал. Он настаивал на прекращении лечения. В то время выживаемость при раке была очень низкой, а послеоперационная продолжительность жизни — невысокой.

Тем более что Чжао Юйбинь был на поздней стадии, и, по мнению отца, это был уже приговор. Но мать категорически не соглашалась, она готова была попробовать всё, даже если шансов не было. Для неё было невозможно сдаться и оставить сына.

Первоначальные обследования и диагностика уже съели большую часть средств, и отец Чжао Юйбиня предвидел, что продолжение лечения опустошит весь семейный бюджет. Но мать не обращала на это внимания, она была на грани безумия из-за болезни сына. Если бы деньги могли вылечить ребёнка, она, вероятно, готова была бы отдать всё.

Мать даже думала, что должна продолжать лечение, чтобы дать сыну хотя бы год или два, пока не появятся более эффективные методы лечения и лекарства. Но болезнь оказалась сильнее всех ожиданий, и всего через три месяца Чжао Юйбинь уже был измождён.

Отец Чжао Юйбиня поспешно развёлся с матерью, разделив имущество пополам. Дети остались: один с матерью, другой с отцом, и семья окончательно распалась.

Мать увезла его в центральную больницу провинции, где они провели два месяца, потратив почти все сбережения. Теперь им пришлось вернуться в уезд Вэйчэн.

Лю Сычэнь находился в палате, осматривая Чжао Юйбиня. Юноша был ужасно худ, его костлявое запястье едва ли было толще, чем у Лю Сычэня. Из-за невозможности есть, он поддерживал жизнь только капельницами. Лю Сычэнь давал ему пить женьшень, настоящий на родниковой воде, но даже её духовная энергия не могла подавить агрессивные раковые клетки. Всё это лишь давало юноше немного больше времени.

За два месяца свет в глазах когда-то гордого подростка полностью угас. Он лежал молча, полузакрыв глаза, и целый день не произносил ни слова. Лю Сычэнь мог только тихо вздыхать.

— Чжао Юйбинь, ты должен собраться, — Лю Сычэнь, склонившись у кровати, пытался вселить в юношу хоть каплю мужества и надежды.

Но тот даже не пошевелил головой, лишь лежал, словно спокойно ожидая смерти.

Но разве это могло быть настоящим спокойствием? Он был всего лишь ребёнком, не познавшим жизни, и, находясь под гнётом смерти, его спокойствие было лишь маской отчаяния.

Лю Сычэнь провёл полчаса, не получив ни малейшей реакции, и собрался уходить. Оглянувшись, он увидел, что Гу Яо уже давно стоит у двери, скрестив руки на груди и холодно наблюдая за происходящим в палате. Его взгляд был слегка раздражённым.

— Братик, сколько ты ждал? Почему не позвал меня? — Лю Сычэнь послушно подошёл и протянул руку.